

ПАТРИК НЕСС

**ТАМ,
ГДЕ КОНЧАЕТСЯ
МОРЕ**

Бумажные города

Патрик Несс

**Там, где кончается
море (сборник)**

«РИПОЛ Классик»

2013

УДК 82-312.9
ББК 84(7Coe)6-445

Несс П.

Там, где кончается море (сборник) / П. Несс — «РИПОЛ
Классик», 2013 — (Бумажные города)

ISBN 978-5-386-09131-6

Мастер современной фантастики, автор знаменитых книг серии «Поступь хаоса» дарит читателям великолепный сборник рассказов, события которого разворачиваются до основного сюжета трилогии. Узнайте, с чего началось опасное и захватывающее путешествие в Новый свет. Откройте таинственную планету враждебных спэков, где существует загадочный Шум, позволяющий людям слышать мысли друг друга. Это история невероятных приключений, уничтоженной цивилизации и отважных первопроходцев, которым предстоит отстроить новый мир заново.

УДК 82-312.9
ББК 84(7Coe)6-445

ISBN 978-5-386-09131-6

© Несс П., 2013
© РИПОЛ Классик, 2013

Содержание

Новый свет	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Патрик Несс

Там, где кончается море

PATRICK NESS
THE NEW WORLD
THE WIDE, WIDE SEA
SNOWSCAPE

© Patrick Ness, 2009, 2013. All rights reserved

© Зайцев А. Н., перевод на русский язык, 2014

© Фирсанова Е. В., художественное оформление, 2016

© Издание на русский язык, перевод на русский язык. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2014

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

НОВЫЙ СВЕТ

– ВОТ ОНА, – говорит мама, имея в виду точку, к которой мы приближались уже несколько недель. Ту, которая постепенно увеличивалась, пока не стали видны две вращающиеся вокруг нее точки поменьше, а теперь превратилась из точки в диск, отражающий свет своего солнца, в расцвеченный синевою океанов, зеленью лесов и белизной полярных шапок круг посреди темной бездны.

Наш новый дом, путешествие к которому началось задолго до того, как я родилась.

Мы – первые, кто увидел его взаправду, не в телескоп, не на компьютерных картах, даже не на бумаге на уроках рисования, которые мне дает на *Бете* Брэдли Тенч, а всего лишь через несколько сантиметров стекла экрана в кабине. Первые, кто увидел его собственными глазами.

– Новый свет, – говорит папа и кладет мне руку на плечо. – Как думаешь, что ждет нас там?

Я скрещиваю руки на груди и отдаляюсь от него.

– Виола? – окликает меня он.

– Я ее уже видела, – говорю я и выхожу из кабины. – Она чудесная. Ура! Не могу дождаться, когда мы до нее доберемся.

– **Виола!** – сердито говорит мама, когда я закрываю за собой дверь кабины.

Дверь раздвижная, поэтому даже хлопнуть ею я не могу.

Я захожу в свою маленькую спальню, и едва успеваю закрыть дверь, как раздается стук.

– Виола? – говорит отец за дверью.

– Я устала и хочу спать, – говорю я.

– Но сейчас же час дня.

Я не отвечаю.

– Мы выйдем на орбиту через четыре часа, – говорит он спокойно, совсем не повышая голос, как я, – а через два для тебя появится вдоволь работы.

– Я знаю о своих обязанностях, – отвечаю я, не открывая дверь.

Молчание.

– Все будет хорошо, Виола, – говорит он еще добрее, чем раньше. – Вот увидишь.

– Откуда ты знаешь? – отвечаю я. – Ты тоже никогда не жил на планете.

– Ну, – говорит он, оживляясь, – я просто на это очень надеюсь.

Опять это слово. Меня от него уже тошнит.

* * *

– Это мы, – сказал папа в тот день, когда я узнала новости, и хотя он пытался выглядеть серьезно, я видела, что он прячет улыбку.

Мы обедали, и он болтал ногой под столом.

– Что – мы? – спросила я, хотя легко могла угадать.

– Нас выбрали. Для высадки, – ответила мама.

– Вылетаем через девяносто один день, – добавил отец.

Я посмотрела на тарелку. Есть внезапно расхотелось.

– Я думала, выберут родителей Стефф Тейлор.

Папа сдержанно усмехнулся. Отец Стефф Тейлор был таким скверным пилотом, что едва мог пролететь от одного корабля в конвое до другого, не разбив шаттл.

– Это мы, милая, – сказала моя мама-пилот. Она летала настолько лучше, чем отец Стефф Тейлор, что нисколько не сомневалась, что выберут нас. – Помнишь, мы говорили об этом? Ты очень радовалась.

Это было правдой. Когда они сказали мне, что хотят побороться за право участвовать в высадке, я очень радовалась. И еще *больше*, когда Стефф Тейлор начала хвастать, что ее папу *обязательно* выберут.

Задание было жизненно важным. Мы оставим спящих поселенцев и остальные семьи позади и унесемся в черную бездну на маленьком разведывательном корабле. Конвой все еще в двенадцати месяцах пути от планеты. Мы доберемся до нее за пять месяцев и проведем там еще семь. Работы хватит не только родителям, но и мне самой – мы должны будем найти подходящее место высадки и подготовить его для прибытия пяти больших кораблей с поселенцами на борту.

Но почему-то думать, что нас *могут* выбрать, было гораздо радостнее, чем знать, что нас *уже* выбрали.

– Ты *многому* научишься, как и хотела, – сказала мама.

– Это честь, Виола, – добавил отец. – Мы первыми увидим наш новый дом.

– Если только первые поселенцы не до сих пор там, – сказала я.

Родители переглянулись.

– Ты не рада, Виола? – спросила мама с серьезным лицом.

– Если я скажу, что не рада, вы не полетите? – спросила я.

Они снова переглянулись.

И я знала, что это значит.

* * *

– Тридцать минут до выхода на орбиту, – говорит мама, когда я захожу в кабину, немного опоздав.

Она там одна.

Папа, наверное, уже ушел в машинное отделение готовиться.

Мама смотрит на мое отражение на своих экранах:

– Смотрите-ка, вернулась.

– Это *моя* работа, – говорю я, садясь за терминал в девяноста градусах от нее.

И это действительно моя работа, то, чему меня учили в конвое и в те пять месяцев, что я провела здесь. Мама выведет нас на орбиту, отец приведет в действие реактивные двигатели, которые позволят нам войти в атмосферу планеты, а я буду искать подходящие места для высадки.

– Пока ты дулась, я обнаружила кое-что новое, – говорит мама.

– Я не дулась...

– Смотри, – говорит она, выводя на экран больший из двух северных материков.

– Что *это*?

На темной стороне планеты видна река, струящаяся на восток к океану. Даже сканеры корабля не позволяют различить точно, но вверх по течению есть какая-то пустота, может быть, долина, где лес немного расступается и, кажется, сверкают огни.

– Другие поселенцы? – спрашиваю я.

Другие поселенцы для нас – герои легенд, вроде призраков.

За всю мою жизнь и даже за всю жизнь моих родителей мы ни разу не вступали с ними в контакт, поэтому решили, что они не добрались до цели. Путь из Старого Света в Новый долог, очень долог – несколько десятилетий. Они все еще были в пути, когда вылетел

наш конвой. Но от них не поступало никаких вестей. Даже зонды, уходящие в самую глубь космоса, засекали лишь отдаленные отблески их кораблей.

Потом, задолго до моего рождения, пришло время, когда они должны были приземлиться, и мы надеялись, что, приблизившись к планете, сможем вступить с ними в контакт, предупредим их о своем прибытии, спросим, как они живут, к чему нам готовиться.

Но либо нас никто не слышал, либо на планете просто никого не было. И именно второй вариант нас беспокоил.

Если они не выжили, что же станет с нами?

Отец говорит, что мы были идеалистами, когда покинули Старый Свет в надежде начать простую жизнь без современных технологий, заниматься земледелием, снова уверовать в Бога и все такое прочее. Сейчас это кажется мне ужасно глупым, неудивительно, что ничего не вышло. Но когда с ними случилось то, что случилось, мы зашли уже так далеко, что повернуть вспять оказалось невозможно. Вернуться назад означало лишь одно – пойти навстречу неизбежной гибели.

– Как мы это раньше не заметили? – говорю я, наклоняясь ближе к экрану.

– Нет энергоследа. Если у них есть источник энергии, то это не большой реактор, как мы ожидали.

– Тут же река есть. Может, он у них гидроэлектрический? – говорю я.

– Или, может быть, тут вообще ничего нет. Не разберешь, огни это или просто помехи, – говорит мама тихо, и мы обе внимательно смотрим на экран.

Пятнышко на реке удаляется, мы выходим на орбиту с другой стороны, направляясь на запад, огибаем планету кругом, входя в атмосферу, а затем возвращаемся на ту сторону, готовясь к посадке.

– Здесь высадимся? – говорю я.

– Можно и здесь, – говорит мама.

– Если они не выжили, первое, что нам нужно сделать, – учесть их ошибки.

– Иначе нас тоже убьют.

– Наши технологии совершенней, – говорит мама. – А они, насколько нам известно, старались не пользоваться даже тем, чем располагали. Наверняка потому и погибли. – Она смотрит на меня. – С нами такого не произойдет.

Надеюсь, думаю я про себя.

Мы обе наблюдаем за тем, как удаляется от нас континент.

– Готов, – четко говорит отец по громкой связи.

– Тогда у нас десять минут, – говорит мама, нажимая кнопку, которая начинает отсчет.

– Волнуетесь? – говорит голос папы.

– Кое-кто точно волнуется, – говорит мама, смотрит на меня и хмурится.

* * *

– **Я рада**, что мы не полетим, – сказала Стефф Тейлор, когда я увидела ее на уроке в первый раз после того, как объявили, что для высадки выбрали мою семью, а не ее.

Шел мой любимый урок, рисование с Брэдли на **Бете**. Кроме рисования, Брэдли учил нас математике и сельскому хозяйству. Он – мой самый любимый человек во всем конвое, хоть и заставил меня сидеть со Стефф Тейлор: других девочек нашего возраста в семьях зрителей нет.

Вот повезло-то нам.

– Это же **скучно**, – заметила Стефф, по крутив меж пальцев локон. – Пять **месяцев** на **маленьком** корабле с одними только родителями.

– Я могу разговаривать с друзьями по видеосвязи. И уроки так слушать могу. И я люблю маму с папой, – сказала я.

Она усмехнулась:

– За пять месяцев разлюбишь.

– Стефф, ты же сама хвасталась, что твоего отца...

– А потом, когда вы **приземлитесь**, вам придется жить с жуткими животными и надеяться, что не кончится еда. А еще там **погода** есть, Виола. Настоящая **погода**.

– Мы будем первыми, кто ее увидит.

– Радость-то какая! – сказала она. – Первыми увидите заброшенную грязную дыру – Она сильнее скрутила в пальцах локоны. – Вы там первыми сдохнете – вот что!

– Стефф Тейлор! – сказал Брэдли перед всем классом.

Другие ученики, уткнувшиеся в свои интерактивные видео, вдруг поднимают глаза.

– Работаю я, – сказала Стефф, проведя руками по планшету.

– Да? Тогда подойди и покажи нам, над чем же ты работаешь, – сказал Брэдли.

Стефф нахмурилась, и я поняла, что к длинному списку ее обид добавилась еще одна.

Она встала так медленно, как только могла, и прошептала мне:

– Тринадцатый день рождения. В полном одиночестве.

И по ее довольному виду я поняла, что отреагировала на это именно так, как ей хотелось.

* * *

– Сто двадцать секунд до выхода на орбиту, – говорит мама.

– Готов, – говорит папа по громкой связи, и я слышу, как постепенно меняется шум двигателей.

Мы готовимся прекратить свободное падение и преодолеть атмосферу планеты.

– Я тоже готова, – говорю я, открывая экраны, с помощью которых я должна буду найти большой, свободный от деревьев участок, когда мы полетим ближе. Если я не ошибусь, именно там будет основан наш первый город.

– Девяносто секунд, – говорит мама.

– Открываю двигатели, – говорит папа, и шум снова меняется. – Насыщаю топливо кислородом.

– Пристегнись, – говорит мама.

– Я **уже** пристегнулась, – говорю я и поворачиваю кресло так, чтобы она не видела, как я пристегиваюсь.

– Шестьдесят секунд, – говорит мама.

– Еще минута – и мы станем первыми, – кричит папа по громкой связи.

Мама смеется, а я нет.

– Ты что, Виола? Это же **правда** здорово, – говорит мама.

Она смотрит на один из экранов, набирает на нем что-то кончиками пальцев, а потом говорит:

– Тридцать секунд.

– Мне и на корабле хорошо, – говорю я тихо, но так серьезно, что мама оборачивается и смотрит на меня. – Не хочу жить там.

Мама хмурится:

– Пятнадцать секунд.

– Топливо готово! Займемся атмосферфингом! – говорит папа.

– Десять, – говорит мама, не отрывая от меня глаз. – Девять.

И тут все идет наперекосяк.

* * *

– Но это же целый *год*, – сказала я Брэдли во время частного урока за месяц до того, как мы улетели. – Год вдали от друзей, от школы.

– А если бы ты осталась, это был бы год вдали от родителей, – ответил он.

Я оглянулась на пустой класс. Обычно он был полон детей из других семей смотрителей, мы учили уроки, разговаривали с друзьями. Но сегодня здесь были только мы с Брэдли, он напоминал мне о технических подробностях, которые пригодятся мне в путешествии. Завтра Симона с *Гаммы*, в которую Брэдли, по-моему, тайно влюблен, будет учить меня основам выживания в экстренной ситуации, чтобы подготовить меня к худшему, что может случиться. Мы с ней снова останемся в классе одни.

– Почему выбрали именно нас? – спросила я.

– Потому что вы лучше других подходите для этого задания, – ответил Брэдли. – Твоя мама – наш лучший пилот, а папа – превосходный инженер.

– А я? Почему я должна расплачиваться за то, что они такие умелые?

Брэдли улыбнулся:

– Ты тоже не простая девочка. Ты отлично смыслишь в математике. Младшие ученики обожают твои уроки музыки.

– И за это меня надо наказывать, отослав подальше от всех, кого я знаю.

Он странно на меня посмотрел, а потом так быстро набрал что-то на планшетах перед нами, что я даже не поняла, что он сделал.

– Назови это, – сказал он строгим голосом учителя, и мне немедленно захотелось ответить.

– Ортштейн, – сказала я, глядя на модель ландшафта. – Хорошо дренируется, но суховат. Перед высадкой злаков необходима ирригация в течение пяти – восьми лет.

– А это? – медленно сказал он, снова что-то набрав.

– Лес в зоне умеренного климата. Если немного расчистить деревья, возможно, здесь можно будет разводить скот. Но зона явно экологически проблемная.

– А это?

– Это где-то около пустыни. Для земледелия подходит плохо, урожая едва хватит, чтобы прокормиться. Брэдли...

– Ты здорово соображаешь, Виола. Такая маленькая, а уже такая умная и находчивая. Ты оченьгодишься при выполнении задания.

Я промолчала, потому что почувствовала, что на глаза наворачиваются глупые слезы.

– Чего ты боишься? – спросил Брэдли так нежно, что я взглянула в его карие глаза, увидев добрую улыбку на смуглом лице и маленькие седые завитки, уже появляющиеся на его висках. Он лучился добротой.

– Все говорят о *надежде*, – сказала я и сглотнула.

– Виола... – Голос Брэдли был невероятно нежным.

– Я не боюсь, – соврала я и снова сглотнула. – Просто я пропущу тринадцатый день рождения и бал по случаю окончания четвертого...

– Но ты увидишь то, чего не увидит никто. Когда туда доберутся остальные, ты уже будешь *экспертом*, к которому все будут обращаться за советом.

– Все подумают, что я просто выпендриваюсь...

– Они и сейчас так думают, – сказал он с улыбкой.

Мне не хотелось улыбаться в ответ.

Но я улыбнулась. Слегка.

* * *

Когда мы входим в зону турбулентности, снизу корабля раздается тихий стук.

Мы с мамой тут же поднимаем глаза. Нам это не нравится.

– Что это? – спрашивает мама.

– По-моему... – отвечает папа.

И тут из передатчика раздается РЕВ, и папа зовет на помощь...

– Томас! – кричит мама.

– Смотри! – говорю я, указывая на зажигающиеся один за другим экраны.

Машинное отделение полыхает огнем, двери закрываются, чтобы удержать пламя.

А папа остается внутри.

– *Папа!* – кричу я.

Все меняется в мгновение ока.

Мама суматошно жмет на экраны, пытаясь открыть шлюзы двигателей, чтобы потушить огонь...

– Они не реагируют! – кричит она. – Томас, ты меня слышишь?

– Что происходит? – кричу я.

Атмосфера гудит во много раз сильнее, чем на тренировках.

– Она не должна быть такой *плотной*, – кричит мама, имея в виду атмосферу, и мне становится дурно.

Я вспоминаю о первых поселенцах. Может быть, с ними случилось то же самое? Может, они так и не добрались до поверхности планеты?

– Я пойду искать папу, – говорю я, расстегиваю ремень и встаю.

Снова раздается *грохот*, и корабль сильно накреняется.

Я падаю, хватаясь за кресло. Мама обеими руками хватается за рычаги ручного управления и выравнивает корабль!

– Виола! Найди место для высадки! Быстрее!

– Но папа...

– Снова взлететь не получится, значит, придется садиться! *Живей*, Виола!

Я сажусь в кресло и пристегиваю ремень. У меня трясутся руки.

– Найди тот участок у реки! – говорит мама.

– Он на другой стороне планеты, – говорю я, понимая по тому, как трясет корабль, что мы проходим атмосферу в несколько раз быстрее, чем нужно...

– Найди его! – кричит мама. – Если там есть люди...

Я понимаю по ее лицу, что она волнуется за папу и теперь, когда, вместо того чтобы его искать, ей приходится управлять кораблем, все гораздо хуже, чем я думала.

* * *

– Я буду по тебе *скучать*, – сказала Стефф Тейлор на нашем прощальном вечере. Голос ее тогда сделался высоким и казался еще более неискренним, чем обычно.

Все семьи зрителей собрались в зале заседаний *Дельты*, радуясь очередному поводу напиться и попрощаться. Стефф заключила меня в объятия, повернувшись так, чтобы все видели, как ей *грустно* оттого, что я улетаю на целый год. Потом она отпустила меня, упала на руки своей маме и принялась голосить, перекидывая всех собравшихся.

Брэдли подошел и удивленно посмотрел на нее.

– Я уверен, что Стефф будет легче пережить это горе, чем мне, – сказал он, протягивая мне подарок в яркой обертке. – Не открывай, пока не высадитесь.

– Пока не **высадимся**? Еще же пять месяцев ждать.

Он улыбается и говорит полупшепотом:

– Знаешь, чем мы отличаемся от животных, Виола?

Я нахмурилась, чувствуя, что мне хотят преподать урок:

– Способностью не открывать подарок раньше времени?

Он засмеялся:

– Способностью разводить огонь. Огонь позволяет нам видеть в темноте и готовить еду, согревает в холода. – Он не определенно махнул рукой в сторону двигателей *Дельты*. – Именно огонь позволил нам пересечь черную бездну и начать новую жизнь в Новом Свете.

Я посмотрела на подарок.

– Ты боишься, – сказал он. На этот раз это был не вопрос.

Я пожала плечами:

– Немножко.

Он наклонился ко мне и прошептал:

– Я тоже боюсь.

– Да?

Он кивнул:

– Мой дед был последним из первых зрителей, оставшимся в живых. Последним, кто дышал воздухом планеты, а не только корабля.

Я подождала, пока он не продолжит свою фразу.

– И что?

– Он не мог сказать о ней ничего хорошего, – продолжил он. – Старый Свет был загрязнен, умирал от собственного яда. Потому мы покинули его, чтобы найти новый дом, который из всех сил постараемся не погубить, как погубили Старый Свет.

– Я это все знаю.

– Но остальные из нас такие же, как ты, Виола. Мы никогда не видели ничего просторнее, чем грузовой отсек *Гаммы*. Я не знаю, как пахнет свежий воздух. Видео с эффектом присутствия не настоящие. Ты можешь представить, как огромен настоящий *океан*, Виола? Как мы малы по сравнению с ним?

– Вы хотите меня этим утешить?

– Вообще говоря, да. – Он улыбнулся и постучал пальцем по подарку в моих руках. – Потому что теперь у тебя есть кое-что, что поможет тебе разогнать тьму.

Подарок был маленьким, но тяжелым.

– Но открывать его нельзя, пока мы не высадимся.

– Ну, откуда мне знать, что ты не откроешь его раньше времени? Придется тебе довериться, – сказал он.

Я подняла глаза:

– Я потерплю. Обещаю.

– Я пропущу ее *день рождения*! – громко завопила Стефф Тейлор, сверкнув глазами, и по ее взгляду я поняла, что на самом деле она ни о чем не жалеет.

– Увидимся через двенадцать месяцев, Виола, – сказал Брэдли. – Когда я туда доберусь, не забудь мне первому рассказать, как выглядит ночь в свете огня.

* * *

Мне кажется, что наш разведывательный корабль развалится на кусочки в любую секунду.

Нас мотает и кружит, и маме едва удастся держать курс прямо.

Иногда она зовет папу, но он не отвечает.

– Виола, где мы? – кричит она, дергая рычаги управления.

– Возвращаемся на другую сторону. Но, по-моему, слишком быстро. Боюсь, мы проскочим! – кричу я, стараясь перекрыть рев атмосферы.

– Я постараюсь посадить корабль. Видишь что-нибудь на сканерах? Какой-нибудь еще участок, кроме того, у реки, куда можно сесть?

Я нажимаю на экраны, но изображение на них трясется так же сильно, как и все остальное на корабле. Двигатели все еще *несут* нас к планете, несут слишком быстро, и остановиться никак нельзя. Мы проносимся над *огромным* океаном, и я вижу, что мама боится, что садиться придется прямо посреди него...

Но на наших экранах появляется материк, быстро выплывая темной громадой, и вот мы уже над ним, и под нами стремительно проносится земля.

– Мы близко? – кричит мама.

– Сейчас, погоди. – Я сверяюсь с картами. – Мы к югу! Пятнадцать километров в секунду!

Она дергает за рычаги ручного управления, пытаюсь повернуть на север:

– Черт!

Корабль накрывается, и я ударяюсь локтем о приборную панель, на секунду теряя карты.

– Мам? – говорю я взволнованно и обеспокоенно, пытаюсь снова вывести карты на экран.

– Я все понимаю, милая, – говорит она, сражаясь с управлением.

– А как же папа?

Она молчит, но я все вижу по ее лицу: мы должны найти место, где можно высадиться, Виола! А потом мы сделаем все возможное, чтобы его спасти!

Я снова смотрю на карты:

– Тут, похоже, прерии, но мы, наверное, и их проскочим.

Я просматриваю данные сканеров.

– Болото! – говорю я.

Мама снова направила нас на север, к реке, которую мы тогда видели, – похоже, она переходит в болото.

– Успеем снизиться? – кричит мама.

Я просматриваю предполагаемые траектории снижения на экранах:

– Почти.

Корабль сильно трясет.

Потом воцаряется жуткая тишина.

– Мы потеряли двигатели, – негромко говорит мама. – Шлюзы так и не открылись. Огонь потух от нехватки воздуха. – Она оборачивается ко мне. – Мы приземляемся. Запрограммируй траекторию и держись крепче.

Я быстро просматриваю еще несколько экранов и нахожу траекторию, следуя по которой мы должны приземлиться в мягкое болото.

Мама с силой дергает рычаги ручного управления, сжав их в кулаки, стараясь держаться траектории, которую я проложила. Из иллюминаторов я ясно вижу землю, верхушки деревьев все ближе и ближе.

– Мам? – говорю я, наблюдая за тем, как мы снижаемся.

– Держись! – говорит она.

– МАМ!

Удар.

* * *

– С днем рождения! – крикнули они, застав меня врасплох за завтраком. Это была самая неудачная попытка неожиданно поздравить с праздником за всю историю Вселенной.

– Спасибо, – пробормотала я.

Мы покинули конвой тремя месяцами ранее, наблюдая за тем, как он исчезает позади нас, а мы уносимся вперед, быстро-быстро-быстро.

До новой планеты еще восемь недель пути, восемь недель в корабле, где уже начинает пахнуть, как бы тщательно ни фильтровали воздух.

– Подарки! – сказал папа, проводя рукой над коробками в праздничной обертке на столе.

– Могла бы хотя бы *притвориться*, что довольна, Виола, – сказала мама.

– Спасибо, – снова сказала я, теперь чуть громче.

Я открыла первую коробку с подарком. Там были новые сапоги для ходьбы по пересеченной местности. Цвет совершенно неподходящий, но я все равно попыталась сделать вид, что очень рада.

Открыла вторую.

– Бинокль, – сказал папа, когда я достала подарок. – Мама велела Эдди, инженеру с *Альфы*, усовершенствовать его до того, как мы улетели. Ты просто не поверишь, что тут есть. Прибор ночного видения, дисплей...

Я попыталась им воспользоваться и увидела, как на меня смотрит огромный левый глаз папы.

– Она улыбается! – сказал папа, и бинокль заполнила его огромная ухмылка.

– *Ничего* подобного, – ответила я.

Мама вышла из комнаты и вернулась с моим любимым завтраком – стопкой блинчиков, наверху которой мерцали тринадцать оптоволоконных огней с сенсором движения. Они спели мне поздравительную песню, и четвертым взмахом руки я все-таки смогла погасить все огни.

– Что ты пожелала? – спросил папа.

– Если рассказать, то не сбудется, – ответила я.

– Ну, разворачивать корабль мы не собираемся, так что надеюсь, ты пожелала не этого, – сказала мама.

– Надежда! – сказал папа чересчур громко, перебивая слова мамы своим напускным энтузиазмом. – Вот чего нам всем стоит пожелать. Надежды!

Я нахмурилась, снова услышав это слово.

– Вот что еще мы принесли, – сказал папа, дотронувшись до все еще завернутого подарка Брэдли. – Вдруг тебе захочется открыть его сейчас.

Я посмотрела на лица родителей, на радостного отца, на раздраженную моим недовольством маму, безуспешно пытающуюся устроить мне веселый праздник. И на мгновение я увидела, как сильно они за меня волнуются.

Волнуются, что я совсем лишилась надежды.

Я посмотрела на подарок Брэдли. *Свет, который разгонит тьму*, сказал он.

– Он велел не открывать, пока мы не приземлимся. Я подожду.

* * *

Мы обрушиваемся на землю с невероятно жутким грохотом. Корабль дробит деревья в щепки, а потом ударяется об землю с такой силой, что я врезаюсь головой в приборную

панель, и голову пронзает боль, но я все еще сохраняю сознание, сохраняю сознание и слышу каждый *треск*, каждый *щелчок* и *скрежет*, с которым корабль прорывает посреди болота длинную колею, переворачиваясь снова и снова, что может означать только одно – отвалились крылья. Все падает на потолок, а потом в кабине образуется трещина, в которую хлещет болотная вода, и мы снова переворачиваемся...

И замедляемся...

Вращаемся медленнее...

Металл оглушительно скрежещет, и основное освещение гаснет, когда мы делаем еще один оборот, и его тут же заменяет мерцающее аварийное.

Вращение замедляется...

Замедляется, а потом...

Останавливается.

Я все еще дышу. Голова болит и кружится, я едва ли не вниз головой вишу на ремне кресла.

Но я дышу.

– Мам? – говорю я, оглядываясь и смотря вниз. – *Мам?*

– Виола? – слышится в ответ.

– Мам?

Я поворачиваюсь туда, где должно быть ее кресло.

Но его там нет.

Я разворачиваюсь сильнее.

И вижу ее на потолке. Кресло вырвало с места.

И от того, как она лежит там...

От того, как она лежит там, *скрючившись*...

– Виола? – снова говорит она.

От того, как она произносит мое имя, у меня внутри все сжимается...

Нет, думаю я. *Нет*.

И пытаюсь выбраться из кресла, чтобы добраться до нее.

* * *

– Завтра важный день, дружище, – сказал папа, входя в машинное отделение, где я меняю трубки охлаждающей системы. Это одна из миллиона работ, которую мне поручили в последние пять месяцев, чтобы чем-то меня занять. – Мы наконец выходим на орбиту.

Я вставила последнюю трубку до щелчка:

– Отлично.

Он замолчал.

– Я знаю, тебе нелегко, Виола.

– Почему это вдруг тебе не все равно? Меня никто даже не спросил.

Он подошел ближе.

– Чего ты *боишься*, Виола? – спросил он, и это тот же самый вопрос, который задал мне раньше Брэдли. Я оглядываюсь на него. – Того, что мы можем там обнаружить? Или просто перемен?

Я тяжело вздохнула:

– Никто почему-то не думает, что будет, если нам *не понравится* жить на планете. Что, если небо слишком большое? Что, если воздух воняет? Что, если мы будем голодать?

– А что, если воздух сладкий, как мед? Что, если еды там столько, что мы все растолстеем? Что, если небо такое прекрасное, что мы бросим всю работу, потому что не сможем оторвать от него глаз?

Я развернулась и закрыла кожухи трубок:

– А что, если нет?

– А что, если да?

– А что, если *нет*?

– А что, если *да*?

– Да, очень плодотворная беседа.

– Неужели мы воспитали тебя так, что не научили надеяться? – спросил папа. – Разве когда твоя прабабушка согласилась стать смотрителем на этом корабле, она сделала это не потому, что надеялась начать новую жизнь? *Она* была полна надежды. Мы с твоей мамой полны надежды. – Теперь он подошел так близко, что мог бы меня обнять, если бы я захотела. – Почему ты не разделяешь ее с нами?

В его взгляде была такая забота, такое волнение. Что я могла ему ответить? Как я могла сказать ему, что меня тошнит уже от того, как звучит это слово?

Надежда. Только о ней в конвое и говорили, и чем ближе мы подлетали к планете, тем чаще. Надежда, надежда, надежда.

«Надеюсь, погода будет хорошей».

И это говорят люди, которые настоящую погоду в жизни видели только на видео с эффектом присутствия.

Или: «Надеюсь, там интересная фауна».

И это притом что они в жизни из всех животных видели только Скампуса и Бампуса, котов с *Дельты*. Десять тысяч замороженных коровьих и овечьих эмбрионов не считаются.

Или: «Надеюсь, туземцы окажутся дружелюбными».

Это всегда говорилось с усмешкой, потому что никаких туземцев, судя по показаниям зондов, там быть не должно.

Все на что-то надеялись, говорили о новой жизни и обо всем, чего они *хотели* от нее получить. Свежий воздух, что бы это ни значило. Настоящую гравитацию вместо искусственной, которая иногда отключалась (и никто не желал признаться, что, когда она отключается, это весело). Говорили о просторах, которые мы увидим, новых людях, с которыми познакомимся, когда разбудим их, совершенно не вспоминая о том, что произошло с первыми поселенцами, в полной уверенности, что мы оснащены *настолько* лучше их, что с нами ничего плохого произойти не может.

Столько надежды, а я стою на краю и вглядываюсь во тьму.

Я первой увидела ее наступление, первой поприветствовала ее, когда мы узнали, *какова* она.

Но вдруг?

– Ты боишься потому, что надеяться – это страшно? – спросил папа.

Я ошарашенно посмотрела на него:

– Ты тоже так думаешь.

Он с любовью улыбнулся мне:

– Надеяться *страшно*, Виола. Никто не хочет себе в этом признаться, но это так.

Я чувствовала, как на глаза снова наворачиваются слезы.

– Тогда как ты это *выносишь*? Как у тебя получается даже *думать* об этом? Кажется, надеяться так опасно, что меня накажут даже за одну мысль о том, что я этого заслуживаю.

Он легонько дотронулся до моей руки:

– Потому что без надежды жизнь *еще* страшней, Виола.

Я снова сглотнула слезы:

– Так ты говоришь, я могу только выбрать то, что будет пугать меня всю оставшуюся жизнь?

Он засмеялся и распростер руки:

– Ну наконец-то ты улыбнулась.

И он обнял меня.

Я ему позволила.

Но внутри меня по-прежнему остался страх, который я не могла распознать. Страх с надеждой или страх без нее.

* * *

На то, чтобы расстегнуть ремень, требуется целая вечность. Это трудно сделать, когда висишь вниз головой. Когда он наконец расстегивается, я падаю с кресла, соскальзывая по стене кабины, которая, кажется, сложилась вдвое.

– Мам? – говорю я, подбираясь к ней.

Она лежит лицом вниз на том, что раньше считалось потолком, а ноги ее вывернуты так, что я не могу на них смотреть...

– Виола? – снова говорит она.

– Я здесь, мам.

Я убираю вещи, которыми она завалена, разные папки, планшеты, разбившиеся, когда мы начали переворачиваться, осколки, на которые раскололось все, что не было надежно закреплено на своих местах...

Я убираю большую металлическую плиту с ее спины...

И вижу...

Кресло пилота оторвало от пола, заднюю панель спинки сорвало, и она превратилась в осколок металла...

Осколок, который вонзился маме прямо в позвоночник...

– Мам? – говорю я напряженно, пытаюсь вытащить его.

Но чем больше я его шевелю, тем сильнее она кричит. Кричит так, как будто меня нет рядом.

Я перестаю его шевелить.

– Виола? – снова говорит она, задышавшись. Голос у нее высокий, слегка надтреснутый. – Это ты?

– Я здесь, мам, – говорю я и ложусь рядом с ней, чтобы быть поближе к ее лицу. Убираю осколок с ее щеки и вижу, как суматошно бегают ее глаза.

– Милая? – говорит она.

– Мам? – говорю я, плачу и убираю стекло. – Скажи, что мне сделать, мам?

– Милая, ты не поранилась? – говорит она высоким, дрожащим голосом, так, словно не может вдохнуть.

– Не знаю, – говорю я. – Мам, ты можешь двигаться?

Я просовываю руку ей под плечо, чтобы немного приподнять ее, но она снова вскрикивает, и я тоже кричу и опускаю ее, и она снова лежит, как лежала, лицом вниз, на потолке, с осколком в спине, медленно истекая кровью, как будто это не имеет никакого значения, – и все вокруг нас разбито, разбито, разбито.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.